

Я быстро отделился от Коллекционера. Я был переполнен таким большим количеством эмоций, что даже не знал, с чего начать. Мой разум вышел из-под контроля, и появилось ощущение гипервентиляции. Я почувствовал несколько проблесков в сердце моей семьи, пытающихся помочь мне успокоиться, но вместо того, чтобы принять их, я отстранился и спрятался еще глубже внутрь себя.

Я был испуган. Я боялся самого себя. Не того, кем я был сейчас, а того, кем я был когда-то. Быстрые взгляды были ничем по сравнению с тем, свидетелем чего я только что был. Это заставило меня даже расхотеть жить.

В конце концов я обнаружил чувство, которое игнорировал. Я понял боль Коллекционера из-за того, что его не понимали, из-за того, что даже он сам не понимал себя. Одержимость, которая охватила меня, в конечном итоге утопила меня, и я не мог всплыть. Я знал из других частей воспоминаний, что мои последние дни становились все темнее и темнее, но до этого момента я не осознавал, насколько пустыми они были.

С уходом любви, я наполнил себя желанием мести, которое оттолкнуло всех, кем я дорожил. Одержимость взяла верх, она изменила меня, и сколько бы я не пытался заполнить эту дыру ненавистью, гневом и другими негативными эмоциями, когда я наконец достиг своей цели... Я был пуст. Я был просто оболочкой прежнего себя.

Это был результат одержимости, это то, что делала со мной зависимость. Независимо от того, сколько бы вы не пытались заполнить ее, этого всегда было недостаточно. Даже если вы пытались отвлечь себя или сказать себе, что это не имеет значения, вы всегда думали об этом. Это контролировало каждый аспект вашей жизни, даже если вам этого не хотелось. На самом деле вам хотелось этого. Вы наслаждались одержимостью, даже если вы ненавидели ее. Утоление жажды было таким сладким освобождением, что оно делало это все стоящим в тот момент времени.

Это было не тем, что можно было избежать самому.

Я не хотел в конечном итоге закончить так, чтобы стыд съел меня полностью, не оставив после себя ничего кроме полой оболочки. Когда многочисленные руки протянулись ко мне, я отверг их все, и только теперь я видел, что не только другим нужно было добраться до меня, но также и мне нужно добраться до них.

Я не знал, что делать. Я до сих пор чувствовал вину по отношению к моим ящерицам из-за того, что использовал их, чтобы испытать все ощущения живых... и тем не менее, они, вероятно, были единственными, кто мог меня спасти. Но попадание в их всегда открытые руки означало бы признание того, что я использовал их.

Я не чувствовал контроля над моей собственной личностью. Черная яма в моем сердце изнывала, заставляя меня чувствовать себя больным. Мог ли я чувствовать себя больным без тела? Даже если не мог, это было, безусловно, самое близкое чувство, которое я когда-либо ощущал, так что оно вполне могло быть тем же самым чувством. Я пытался сосредоточиться на других вещах, игнорируя то, что узнал о себе и моей судьбе, которая ожидала меня. Обычно я мог бы полностью поддаться этому импульсу, но какая-то часть меня удерживала меня. Я был так основательно затронут этим воспоминанием, что его было невозможно забыть. Даже сейчас я удивлялся, как не вспомнил его в первую очередь после пробуждения.

Это был последний, большой провал в моей жизни, и все пошло под гору после него. Мой

партнер закрыл за ними дверь, и я остался закрытым внутри до самого конца, убежденный в своей собственной праведности. До моего ухода, лишенный всех эмоций и почти всей жизни, моя последняя мысль, которая до сих пор оставалась чистой и незапятнанной, прежде чем я испортил ее, подверг пыткам и разодрал на части, была очень простой - я хотел снова увидеть своего ребенка.

Тоска от невозможности этого заставила меня спуститься вниз по темному пути, откуда я уже не мог вернуться. Даже сейчас, имея только фрагменты и части воспоминаний, мое желание по-прежнему было сильно. Это было то же желание, которое связывало меня с моими ящерицами, страх отделения от них, не желание расставаться с ними.

Через печаль и боль, я дошел до того, что начал смеяться над своей собственной личностью. Что я делал? Я хотел увидеть их снова, я хотел быть с ними и никогда не расставаться с ними. И тем не менее, я был здесь, отделенный от них из-за страха перед неизвестным, страха, что они отделяться от меня. Противоречие было настолько очевидным, что оно было настолько же забавно, насколько и постыдно.

Спокойствие распространилось сквозь меня. Из всех моих желаний, то, что желало увидеть, как они растут и процветают, было самым сильным, гораздо сильнее, чем мое пристрастие к удовольствиям плоти. Когда я связался с Искателем острых ощущений, это было для того, чтобы стать единым с ним, наши желания переплелись, а не для того, чтобы использовать его для своих собственных позорных прихотей. И когда только все превратилось в такую уродливую зависимость? Я даже не знал.

Это была странная вещь. Понимать правду, стоящую за моей одержимостью, первоначальное чистое желание, каким-то образом успокоило меня. Открывая слой за слоем, исключив все страхи, обольщение и испорченные части, я знал, что теперь было самым важным. Это должно было прекратиться здесь. Если это не остановить сейчас, оно уже никогда не остановится.

С уверенностью, о которой я даже не догадывался, я покинул свою раковину, восстановив свою связь со всеми моими ящерицами одновременно. Я обнаружил огромное количество рук, все еще протянутых ко мне, и в первый раз после того, как я попал в зависимость, я протянул им руку в ответ.